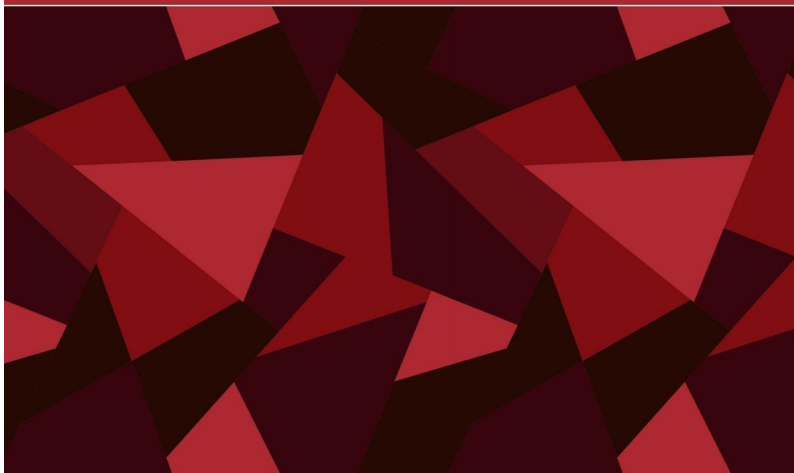

Александр Сорокин

*В свете
солнца*

сборник стихотворений

Александр Викторович Сорокин
В свете солнца.
Сборник стихотворений

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23932161
ISBN 9785448507045*

Аннотация

В сборник стихотворений поэта Александра Сорокина «В свете солнца» включены стихотворения разных лет. Для творческого стиля автора характерен философский поиск ответов на вечные вопросы, которые встают перед каждым из нас на протяжении жизненного пути.

Содержание

«Мой город даже пахнет по особому...»	7
« Не дай мне Господи, как камень зачерстветь...»	9
« Как много было войн, кровавых битв...»	10
«Кто слышал гул столиц в час алого заката?...»	11
«Со мною так часто бывало и будет...»	12
Сон	13
«Мальчишкой, любил я смятенье вокзала!...»	15
Стихи луне	16
У реки	17
«Бывает, когда на душе так паршиво...»	18
« В зной хорошо в летнем парке укрыться...»	19
« Есть два пути, две истины, две меры!...»	20
«Я к сожаленью, что-то слышу слишком часто, ...»	22
«Жизнь меняется с каждой минутой...»	23
Волки и овцы	24
В электричке	26
«Ночь ласкова ко всем во тьме гуляющим...»	28
Березовый сок	29

«Говорят, что была в стране этой иная картина!..»	31
Поколение потерянного времени	33
Вне Тела	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

В свете солнца

Сборник стихотворений

Александр
Викторович Сорокин

© Александр Викторович Сорокин, 2018

ISBN 978-5-4485-0704-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сегодня у соседей целый вечер,
ребенок плачет маленький навзрыд.
И знаю, что помочь мне вроде нечем,
но чувствую в душе какой-то стыд.

Всем не помочь. Полным полно несчастных!
Но как, увидеть боль в глазах чужих?
Нам трудно отыскать чуть-чуть участия,
для самых своих близких и родных!

Мы этой тяжелой доли избегаем!
И даже если очень повезет,

и счастье мы свое от всех скрываем,
как будто его кто-то украдет!

Наверно, потому что было горько.
Что много на душе саднит рубцов.
А надо было нам всего и только,
чтоб больше говорили теплых слов...

Не скоро, но плач все таки утихнет.
Пока что, это горе не всерьез.
И взрослым став, малыш потом привыкнет,
так плакать, чтоб не видно было слез.

«Мой город даже пахнет по особому...»

Мой город даже пахнет по особому,
как пахнет только твой любимый дом,
в котором никогда нет места новому
и каждый уголок тебе знаком.

Бывать теперь здесь редко получается.
Как гость, я захожу к своим друзьям.
И кажется, что город не меняется,
на зло всем в спешке прожитым годам.

И может эти улицы знакомые,
хранят звук наших смолкнувших шагов.
Какие ж были мы неугомонные!
Как много тут наделали следов!

Мы даже на скамье, как полагается,
оставили потомкам имена.
Теперь скамьи уж нет, и получается,
другие наступили времена.

Я знаю все проходит, без сомнения.
Но что-то, вдруг защемит больно грудь.
Ах, если б только мог я на мгновение,

те дни невозвратимые вернуть!

« Не дай мне Господи, как камень зачерстветь...»

Не дай мне Господи, как камень зачерстветь,
и растерять совсем умение удивляться.
И научи зла в своем сердце не иметь,
и на упреки ближних меньше обижаться.

Дай Бог мне мудрости, чтоб истину познать,
и сил чтоб смело постоять за правду эту.
Боюсь не той дорогой в жизни заплутать,
и никогда уже из тьмы не выйти к свету.

Прошу тебя. Но, как услышать мне ответ?
Вовек твое молчанье свято нерушимо.
И вот, когда уже ропщу, что тебя нет,
ты вдруг свой знак мне подаешь неуловимо.

« Как много было войн, кровавых битв...»

Как много было войн, кровавых битв,
во все века, с начала всех времен.
Обрушивался меч врага на щит,
и имя врагу было легион.

Как много на земле растет цветов,
сплетая кружева среди ветвей!
Как много на земле стоит крестов,
ушедших раньше срока сыновей!

О них все больше принято молчать.
И только свято помнить имена.
И лучше б нам живущим не узнать,
что значит слово страшное война...

«Кто слышал гул столиц в час алого заката?..»

Кто слышал гул столиц в час алого заката?
Когда вокруг стоит машин железный рев.
И тысячу идут, откуда-то, куда-то,
ныряя в пасть метро, как необъятный зев.

Отбрось свою печаль! Шагай со всеми в ногу!
В сиянии огней и мешанине тел,
успокоенье есть. И верную дорогу,
отыщешь ты. Искать-всеобщий наш удел!

А если не найдешь, не так важно потеря.
Здесь жалость не нужна! Среди чужих людей,
безропотно, тащи к финалу свое бремя,
как тащит тяжкий груз трудяга муравей.

И если, станешь ты среди толпы внезапно.
Закрой свои глаза, и глядя людям вслед
подумай, если ты исчезнешь безвозвратно,
найдет ли кто-нибудь твой незаметный след?

«Со мною так часто бывало и будет...»

Со мною так часто бывало и будет,
чуть что, раздуваю из муха слона!
Не верю себе, а еще меньше людям,
Ведь знаю какая их клятвам цена!

Ведь в жизни лишь наглость одна торжествует,
и серость везде свои ручки сует.
И с детства я видел, как умный пасует,
там где напролом дурак лезет вперед.

И я из молчанья воздвиг себе крепость.
Укрыл свои чувства в надежной броне.
И как бы, незванным гостям не хотелось,
им душу залезть не удастся ко мне!

Сон

Во сне я шел по вызженной пустыне,
среди лежащих всюду мертвых тел.
На небе, желтым ломтем спелой дыни,
диск лунный фосфорически желтел.

Тянулась вдаль бескрайняя дорога,
и всюду тлела едкая зола.
И смутная, животная тревога,
удушливой змеей во мне росла.

Я сам не знал, куда иду бесцельно,
но трудно мне давался каждый шаг.
И чуял я, как в спину мне смертельно,
все ближе и опасней дышит Враг.

То был наверно демон преисподней,
зачатый в вечном мраке Сатаной.
И тьмой кромешной ночи окружённый,
он неотступно следовал за мной.

И надо мной висел на черных крыльях,
и хохот его дьявольский гремел!
И знал я, что напрасные усилия,
едва ль облегчить смогут мой удел.

И брошенный враждебной, страшной силой,
в пустыню, средь разверзнутых могил,
взмолился я с отчаяньем о милой,
которую, так в жизни я любил.

И, точно на волшебном фотоснимке,
она возникла, иль ее фантом.
Но мягкий свет ее родной улыбки,
согрел меня живительным теплом.

Увидел я в закатном свете мая,
танцующий, точеный силуэт,
И голос ее, сладко слух лаская,
мне тихо прошептал, что смерти нет.

И утонул я в солнечном сияньи,
огнем испеляющем весь мрак.
И издавая злобные стенанья,
низвергнут в бездну был мой страшный враг...

Свет утренний в окно струился нежно.
Проснулся я, издав невольный стон.
Но рядом ты спала, так безмятежно,
и может тебе снился тот же сон.

«Мальчишкой, любил я смятенье вокзала!..»

Мальчишкой, любил я смятенье вокзала!
Под вечер, издав оглушительный стон,
на людный перрон электричка вползала,
как неповоротливый грозный дракон.

От пыльных колёс её пахло мазутом,
но я слышал зов всех бескрайних дорог.
Названия станций, неизвестных маршрутов,
я выучив, тайно твердил на зубок.

Я знал день придёт, и я точно покину,
весь этот набивший оскомину быт.
В последний вагон на перроне запрыгну,
и бесповоротно тут буду забыт.

К иным горизонтам я рвался беспечно!
Но, мне довелось узнать только потом,
что мы часть себя оставляем навечно,
в том месте, где ждёт нас родительский дом.

Стихи луне

Желтеет луна среди звездного сада,
сегодня ее цвет волшебно лучист.
Когда-то, вот так, в небо темное глядя,
сонеты луне посвящал трубочист.

Все было уже на земле этой древней!
И разве луну я смогу удивить,
придуманной, но не услышанной песней,
которую некому мне посвятить?

И я сам не свой в белом лунном сиянии.
Мне кажется небо раскрашенный холст.
И там в черноте неземных расстояний,
сгорают осколки мерцающих звезд.

У реки

Прихожу я к реке, и смотрю в отраженье,
на поверхности водной тончайшая зыбь.
Пусть река унесёт на волнах все сомненья,
о которых никак не могу я забыть.

Я реке расскажу все, что память тревожит.
Ведь другие меня до конца не поймут.
И река мне избыть все печали поможет,
словно камни слова в глубину упадут.

Сколько б мне не кружить, не скитаться по свету,
я к реке возвращусь, как к началу начал.
И свершив ритуал, брошу в воду монету,
может сбудется, то что я здесь загадал!

«Бывает, когда на душе так паршиво...»

Бывает, когда на душе так паршиво,
и справиться мне не по силам с хандрой.
И тянется вечер, так странно тоскливо,
и я целый вечер хожу сам не свой.

Раздастся звонок, и сняв трубку привычно,
услышу я голос, знакомый, родной.
Ну что, как дела? У тебя все отлично?
Давненько не виделись, что-то с тобой.

И все. Мой покой наконец-то нарушен.
Смягчится душа, и отгадет в тепле.
Я вдруг улыбнусь. Хоть кому-то я нужен!
А значит не зря я живу на земле.

« В зной хорошо в летнем парке укрыться...»

В зной хорошо в летнем парке укрыться,
где приглушен надоедливый шум.
Пусть от проблем и забот отрешится,
хоть ненадолго встревоженный ум.

К небу вздымаются стройные клены,
и осязаем полдневный покой.
Что в этой жизни важней еще кроме,
этой минуты согласия с собой?

В парке теннисто, прохладно и сухо.
Не торопись. Тут недолго постой.
Видишь, как рой тополиного пуха,
в медленном вальсе кружит над землей?

«**Есть два пути, две истины, две меры!...»**

Есть два пути, две истины, две меры!
Путь первый – себя ставить выше всех.
И жить лишь для себя, без всякой веры,
ведь если веры нет, не страшен грех.

Путь первый, так заманчив, и исхожен,
бесчисленным количеством людей.
Живи! Ты ничего другим не должен,
а все должны тебе, да побыстрей.

Предел желаний сытое довольство!
Вот только б, не к тебе пришла беда!
Срывай смелей бутоны удовольствий,
пока их не сорвали за тебя.

Чем дальше, только горше вкус печали,
ведь смерть все уничтожит без следа.
Путь первый, столь заманчивый вначале,
приводит незаметно в никуда.

И мало кому волей провиденья,
случается увидеть путь другой.
Который полон самоотреченья,

и долгой, изнурительной борьбой.

Нелегко этот путь! Путь воздержанья!
Но только б спали шоры с глаз слепых!
И мы узрели отблески сиянья,
негаснущие в далях неземных.

И обрета, хотя б крупицу веры,
нашли одну дорогу всех дорог,
которая веден нас в те пределы,
где всепрощенье нам дарует Бог.

«Я к сожаленью, что-то слышу слишком часто, ...»

Я к сожаленью, что-то слышу слишком часто,
в кругу друзей своих местоименье я!
И это яканье мне режет слух ужасно,
холодным ветром равнодушия сквозя.
Меня пугает это самопоглощенность,
и диссонанс, вразлад звучащих душ людских!
Там где должно созвучье быть, лишь разобщенность,
и каждый, это словно свой среди чужих.
А вроде надо нам всего такая малость!
Шагнуть в мир этот из обыденной тюрьмы.
Жить что бы наше "Я» поменьше нам мешалось,
и больше было в нашей жизни, нас и мы.
Но лишь свою жизнь признаем, такой бесценной,
и со всем миром мы готовы воевать!
А мы живем, как будто каждый пуп вселенной,
а на других нам совершенно наплевать...

«Жизнь меняется с каждой минутой...»

Жизнь меняется с каждой минутой,
но чем дальше, тем только верней!
Ослепленные выгодой шкурной,
из за цифр мы не видим людей.

Мы ушли с головой в виртуальность.
В иномирье пространств цифровых.
Оттого в нас так мало осталось,
безрассудных порывов людских.

Мы уже забываем попоже,
учащенный стук сердца в груди.
Слишком много случайных прохожих,
что безмолвно живут взаперти!

До кого ж я смогу достучаться?
Слишко много закрытых квартир!
Может просто начать улыбаться
и тогда вдруг измениться мир?

Волки и овцы

Мир наш устроен жестоко довольно!
Если всмотреться сквозь призму веков,
овцы всегда жить хотели спокойно,
но становились добычей волков.

Разделены мы на две половины,
но кто есть, кто не легко разобрать.
Хитро укрывшись в овечьи личины,
волки клыки не спешат обнажать.

Слабость овец, как приманка для зверя,
ведь у волков есть иная мораль.
Жить, никому в этой жизни не веря,
что б поедать было после не жаль.

Но в ежедневном кровавом сражении,
злу не удастся добро победить!
Мы примеряем овечье смиренье,
что б себе волчье нутро заглушить.

И может миру прогнившему насквозь,
лишь потому не приходит конец.
Что на чуть чуть в нем, но больше осталось,
чем волков алчных, смиренных овец!

В электричке

Я ехал домой в электричке, набитой усталым народом.
Был самый час пик, и вагон, в тесноте горько пах табаком.
Леса Подмосковья сменялись, то голым безлюдным простором,
то крыши поселков неслись, во тьме за туманным окном.

Скучая читал я роман, и все не кончалась дорога.
И я отвлекаясь от книги, свой взгляд поднимал на людей.
Ведь могут поведать порою, нам лица людские, так много,
храня на себя отпечатки забытых безвременно дней.

Средь серой толпы, у окна, две девушки будто сияли.
Их лица мне вдруг показались светлее и солнечней всех.
Экзамены, сессия, громко, как птички они щебетали,
и так жизнерадостен был их звонкий, залиvistый смех.

Я прошлое вспомнил, в котором не раз я подчас
оступался,
в котором нередко я жизнью был прежде
безжалостно бит.
Давно позабыл я с годами, когда так же звонко смеялся,
теперь серой массе подходит мой пасмурно-
сумрачный вид.

Всем нам совершать суждено, в житейских скитаньях
ошибки,

я с грустным прозреньем подумал, предвидя печальный
исход.

Пусть девушек этих подольше, цветут и не гаснут улыбки,
и может счастливый билет у судьбы им украсть повезет.

«Ночь ласкова ко всем во тьме гуляющим...»

Ночь ласкова ко всем во тьме гуляющим,
как девушка в убранстве из огней.
И веет, веет жаром остывающим,
в лицо мне от асфальтовых морей.

Чуть за полночь. И месяц убывающий,
над крышами высокими блеснит.
Иду, и ветер ночи освежающий,
приятно мою кожу холодит.

С утра здесь снова чад машин
появится,
но ночью эти улицы пусты.
И вспыхивая, звезды с неба катятся,
сияющими блестками в сады.

Березовый сок

Я помню, как с мальчишками дворовыми,
весной, когда свод неба так высок,
мы в лес ходили тропами укромными,
что б сцеживать с берез прозрачный сок.

И это было словно приключение,
под сенью нависающих ветвей,
растягивалось каждое мгновение,
и день казался нам еще длинней.

Простите нас березы белоствольные!
Всему виной мальчишеский задор.
Вонзался глубоко в деревья стройные,
старательно наточенный топор.

И как из плоти, раненной болезненно,
из трещин в стволах лиственных берез,
сочился сладковатый сок, так медленно,
пригоршнями невыплаканных слез.

Прошли с тех пор года как наваждение.
Всему приходит в этой жизни срок.
Но часто вижу сон, как в дни весенние,
с берез я собираю в банки сок.

«Говорят, что была в стране этой иная картина!...»

Говорят, что была в стране этой иная картина!
Гордо знамя труда в небеса поднимал комсомол.
Были помыслы светлыми, и коммунизма махина,
над страной поднималась, как непобедимый дракон.

Есть всему своё время. И я со своим поколеньем,
Видел то, как жгли в прошлое наше, не дрогнув мосты.
И для тех, кто горел и дышал перестроечным рвением,
были лозунги прошлого, словно фальшивки пусты.

Кто проклятьем грозил разошедшимся притчей избитой,
жить среди перемен, когда с братом, так брат разобщен?
Выживал кто как мог, и друзья из Америки сытой,
навязать нам спешили свой насквозь гнилой эталон.

Пережили. Смогли. Быстро выросли прежние дети,
затвердив наизусть мантры из передач новостей.
Слишком рьяно учили смотреть нас на жизнь в ином
свете,
и мы выбрали жизнь, где мерило кусок пожирней.

Пусть фундамент страны новой как-то нескладно
построен.

Мы от правды печальной привычно отводим свой взгляд.
В новостях успокоят. Держитесь. Страна под контролем.
К процветанию курс нашим кормчием правильно взят...

Поколение потерянного времени

Мы вырастали в непростые времена,
и потому нас после в жизни помотало.
Когда бурлила беспокойная страна,
ее агония нас мало волновала.

Мы научились вкус свободы смаковать,
в жестяных банках из под теплой газировки.
Впитав свободу, словно Божью благодать,
нестись вперед мечтали мы без остановки.

И нас учили подворотни и дворы,
и забугорные журналы и кассеты,
и приняв правила навязанной игры,
плевать хотели мы на школьные заветы.

Наш строй прошел вне оппозиций и систем,
но изнывая от невидимого бремени.
страдали тоже мы от ваших перемен-
Мы поколение потерянного времени.

Вне Тела

Я заплутал в лесу, один среди столетних
разлапистых елей бесцельно пробродив.
И в пепельных лучах дня тусклого, среди редких
мерцающих лучей, от страха еле жив

я был совсем, когда мелькнул свет розоватый,
заветным маяком во мраке без конца,
и я пошел к нему отчаяньем распятый,
надежду обрета хранящую сердца.

Ночь жуткая, как зверь, как нетопырь летучий,
ночь реяло кругом. В зловещей тишине.
я шел на этот свет сияющий и жгучий,
с единственной мечтой о крове и огне.

Твердь билась подо мной зловонье источая,
кровянила лицо мне колкая хвоя,
но вдруг объяла тьма мой разум вековая,
и кажется без сил упал на землю я.

И кажется уснул, и видел будто плыли
шары других планет, и блики ярких звезд,
смотрели на меня, и в душу мне светили,
глазщами зверей из красно-желтых гнезд.

Как долго я проспал? Едва, так было трудно,
мне это совершить я голову поднял.
Нет, я был не в лесу. В окно светила мутно
зеленая заря. Увидел я зеркал

вокруг меня ряды, и странные сплетенья
неведомых цветов в причудливых горшках.
Пучки каких-то трав, томов нагроможденье,
и грудь в тисках мне сжал неизъяснимый страх.

– Пей – кто-то вдруг сказал, так ласково, но властно,
как только в детстве мать могла мне говорить.
Лица не различить... Из рук его с опаской,
сосуд я взял свой страх пытаюсь подавить.

– Где, я черт побери? Кто этот призрак странный?
И почему лица его не увидеть?
Я медлил, но секунд бег мерно-неустанный,
подталкивал меня его приказу внять.

Глоток, еще глоток... И будто пламя лавы
скользнуло в глотку мне нутро все опалив,
и тут же потолок качнулся, и суставы
мне стало раздирать, и яростный прилив

неведомой волны поднял меня на крыльях,
и в тот же миг вознес сквозь низкий потолок,
превыше облаков, в простор небесных пустынных,

где в вечной темноте я стал парить, как Бог.

И плыть среди миров, где в радужном сиянии,
явились предо мной причудливо горя,
неведомые мне волшебные созданыя
и меркли в темноте туманные моря.

Я страх свой позабыл. Я видел горизонты,
где жгуче полыхал солнц огненных пожар,
где были небеса, то зелены, то желты,
и все испепелял невыносимый жар.

Я плыл так сотни лет. Я чувствовал страданье,
и радостный экстаз, который не постичь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.